

«Внутренняя форма слова» в теориях поэтического языка¹

И. А. Пильщиков

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, ТАЛЛИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация: Статья посвящена развитию идей русских и немецких неогумбольдтианцев в теориях петроградских и московских формалистов и, в первую очередь, различным интерпретациям понятия «внутренняя форма слова», введенного А. А. Потебней. Попытки осмыслить это понятие способствовали становлению формалистической теории поэтического языка и развитию представлений о специфике поэтической и стиховой семантики. При этом для всех разновидностей русского формализма была характерна восходящая к Потебне реляционная концепция формы как таковой и «внутренней формы» в частности: в той или иной версии ее высказывают все формалисты-антагонисты, от В. Б. Шкловского до Г. О. Винокура и от Б. И. Ярхо до Г. Г. Шпета.

Ключевые слова: Внутренняя форма, теория поэтического языка, поэтическая семантика, стиховая семантика, русский формализм, Потебня.

УДК: 81.42.

Контактная информация: Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 54, к. 854. Тел./факс. (495) 939 51 19. E-mail: pilshch@mail.ru.

В рецензии на книгу Т. И. Райнова о Потебне (1924) один из лидеров Опыза Ю. Н. Тынянов писал: «Потебня – имя огромного значения как в области лингвистики, так и в области теории литературы. Новые течения в обеих областях не обходят его, а или отправляются от него, или так или иначе определяют свое к нему отношение». Одно из главных замечаний Тынянова к рецензируемой им книге заключается в том, что в ней «не освещено и не названо понятие “внутренней формы” – основное для литературной теории Потебни» [Тынянов, 1977, с. 167].

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта ведущих научных школ НШ-2084.2014.6 и гранта РГНФ 14-04-00160а.

Терминологической триадой «внешняя форма – внутренняя форма – содержание» широко пользовались немецкие лингвисты-неогумбольдтианцы. В русской науке о слове термин «внутренняя форма» ввел А. А. Потебня. В книге «Мысль и язык» он, во-первых, дал узкое определение терминологическому сочетанию «внутренняя форма» (этимологическое значение, или способ выражения содержания). Во-вторых, он предложил расширительное понимание «внутренней формы», сопоставив семиотическую структуру слова и поэтического произведения:

1) «Въ словѣ мы различаемъ: *внѣшнюю форму*, т. е. членораздѣльный звукъ, *содержаніе*, объективируемое посредствомъ звука, и *внутреннюю форму*, или ближайшее этимологическое значеніе слова, тотъ способъ, какимъ выражается содержаніе»;

2) «...въ поэтическомъ... произведеніи есть тѣ же самыя стихіи, что и въ словѣ: *содержаніе* (или идѣя), соответствующее... понятію; *внутренняя форма*, *образъ*, который указываетъ на это содержаніе, соответствующій представленію (которое тоже имѣетъ значеніе только какъ символъ, намекъ... на понятіе) и, наконецъ, *внѣшняя форма*, въ которой объективируется художественный образъ» [Потебня, 1862, ч. СХІV, с. 89, 95].

«Словосочетание *внутренняя форма* восходит к русскому переводу термина В. фон Гумбольдта *innere Sprachform* (“внутренняя форма языка”), однако по существу здесь речь идет о разных вещах», – отмечает Анна А. Зализняк [2006, с. 46–47]. «Гумбольдт под *внутренней формой языка* имел в виду своего рода свидетельство “духа народа”, заключенного в **строе** его языка и воздействующего – в разных языках по-разному – на его “внешнюю форму»» [Зализняк, 2006, с. 47; 2000, с. 1–2]¹. Потебня же противопоставляет внутреннюю форму не столько внешней форме, сколько содержанию, причем антиномия внутренней формы и содержания может быть интерпретирована в терминах оппозиций «Sinn — Bedeutung» (Г. Фере), «significatum — denotatum» (Ч. Моррис) и им подобных (ср., однако, [Lachmann, 1982, p. 305]).

При таком расширительном понимании *мотивированность* значения слова «значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова» [Зализняк, 2006, с. 46] становится лишь частной разновидностью более общего явления – «внутренней формы слова». «Внутренняя форма» может интерпретироваться как мотивированность любого означаемого (signifié) его означающим (signifiant)² «внутренней формой» отдельного слова, однако концепцию «внутренней формы» поэтического произведения он проиллюстрировал лишь несколькими раз-

¹ Здесь и далее разрядка источника передается полужирным шрифтом; курсив источника сохраняется. Все выделения принадлежат авторам цитируемых текстов.

² Внутренняя форма является означаемым для внешней формы и означающим для содержания, или значения слова (ср.: [Винокур, 1947, с. 4]).

розенными примерами (преимущественно фольклорными), и тем самым оставил пространство для интерпретаций позднейшим исследователям¹.

Наследие Потебни петроградские формалисты начали обсуждать раньше, чем московские: статья В. Б. Шкловского «Потебня», в которой критикуются основные положения книги «Мысль и язык», датирована 30 декабря 1916 г.² Шкловский не возражает против основополагающей для рассуждений Потебни параллели между внутренней формой слова в «прозе» и образом в «поэзии», но отвергает его вывод о том, что «символизм языка... может быть назван его поэтичностью». По Шкловскому, поэтичность создается не особой семантикой, а особой конструкцией: «Образность, символичность не есть отличие поэтического языка от прозаического. Язык поэтический отличается от языка прозаического осязательностью своего построения» [1919, с. 4]. Б. М. Эйхенбаум в «Теории “формального метода”» писал, что в этой статье Шкловского был «окончательно формулирован» «разрыв с потебнианством» [Эйхенбаум, 1927, с. 121].

По этой же линии Потебню критикует Тынянов в «Проблеме стихотворного языка» (1924). Хотя, в отличие от Шкловского, Тынянов ставит *проблему поэтической семантики* (именно такое название носила первая редакция упомянутой книги), для него *поэтическая семантика* – это семантика *стиховая*. Ее специфичность состоит в том, что она порождается стиховой конструкцией и неотделима от нее. Интересно, что в исследовании, опубликованном в том же году, что и рецензия на книгу Райнова, Тынянов термином «внутренняя форма» не пользуется. Однако в «Предисловии» он формулирует проблематику, отталкиваясь от теории образа Потебни: «Самым значащим вопросом в области изучения поэтического стиля является вопрос о **значении и смысле поэтического слова**. А. А. Потебня надолго определил пути разработки этого вопроса теорией образа. Кризис этой теории вызван отсутствием разграничения, спецификации образа» [Тынянов, 1924, с. 6].

Отмеченная самим автором связь с теорией Потебни остается в книге Тынянова не вполне эксплицированной, на что указал в своей рецензии Г. О. Винокур:

«...блестящее исследование Ю. Тынянова страдает всеми традиционными недостатками опоязовской школы: она всецело исходит из понимания поэтического языка как деформированной практической речи, в полной тени оставляет теорию словесного образа, однако исключительная ее заслуга в том, что она ставит – впервые в нашей литературе – вопрос о стихе как вопросе *семасиологический*» [Винокур, 1924, с. 269].

С этой точки зрения Винокуру «интересны чисто семасиологические рассуждения Тынянова в начале второй части его работы, где в смысловом составе слов выделяются основные и второстепенные признаки значения. Серьез-

¹ Ср. [Fontaine, 2006; Zenkine, 2006]. Из недавних работ о понятии «внутренняя форма слова» у Потебни см.: [Бибихин, 1996; Kokochkina, 2000; Aumüller, 2005; Seifrid, 2005, p. 35–61; Passarella, 2007; Gasparov, 2012].

² Впервые опубликована в газете «Биржевые ведомости», 30 декабря 1916, № 16010 (утренний выпуск); перепечатана в третьем опоязовском сборнике статей по теории поэтического языка [Шкловский, 1919].

ным недостатком этой части работы Тынянова является зато отсутствие анализа внутренней формы, что тем более странно, что уже в предисловии автор ссылается на Потебню, по его словам, надолго определившего пути разработки вопроса о смысле поэтического слова. Психологизм Потебни нами изжит, но не исчезает ведь от этого необходимость в теории образа. Между тем этой-то теории как раз и не хватает у Тынянова. Остается удивляться, как не видит Тынянов, что, анализируя “колеблющиеся признаки” значения в стихах Блока, Хлебникова, Тихонова, что, говоря о “кажущемся значении”, “кажущейся семантике”, – он имеет дело с внутренними формами, с поэтическими образами» [Там же, с. 271].

Тынянов высоко оценил рецензию Винокура (в письме к нему от 7 сентября 1924 г.), однако на последнее замечание возразил: «По вопросу об образе не согласен (но это долгая история)» [Шапир, 1990, с. 314 примеч. 10]. По Тынянову, образ в стихе обладает иными функциями, нежели образ в прозе, и создается иными средствами, нежели в прозе. Поэтому он считает главной задачей своей книги «анализ **специфических** изменений **значения и смысла слова** в зависимости от самой **стиховой** конструкции» [Тынянов, 1924, с. 6]. Формулируя главный вывод, Тынянов прямо ссылается на Шкловского: «Итак, конструктивная роль ритма сказывается не столько в затемнении семантического момента, сколько в резкой деформации его. Это в значительной мере решает вопрос о теории образа (Потебня). Внутреннее противоречие в основе этой теории, полагающей одно из вторичных явлений поэзии конструктивным фактором ее, обнажено в полемике Виктора Шкловского» [Там же, с. 117].

Нужно отметить, что лингвистическая специфика так понимаемой стиховой семантики четко и ясно не определена и поныне. Первым критиком Тынянова в этом отношении был Б. И. Ярхо. По словам М. Л. Гаспарова, «когда Ю. Тынянов утверждает, что метрическое положение слова придает ему новое семантическое содержание, Ярхо скептически просит сформулировать: какое именно?» [1969, с. 514]. Очевидно, Гаспаров имел в виду выписку Ярхо из «Проблемы стихотворного языка»: «Слово... заполняется *колеблющимися признаками*, выступающими в нем» (ср.: [Тынянов, 1924, с. 76–77]). «Какими?» – иронически спрашивает Ярхо, процитировав эти слова Тынянова [Акимов, 2001/2002, с. 211–212].

Другим последовательным критиком Потебни был в эти годы Р. О. Якобсон, который, напомним, был активным сотрудником и петроградского Опояза, и Московского лингвистического кружка (МЛК). На заседании МЛК 3 октября 1919 г. он говорит о «новом зле» – потебнианском «психологизме»: «Потебня является для нас теперь рядом пережитков. Он рассматривает языковой факт, как мышление, а не как выражение. В поэтике это привело к различению формы и содержания, в лингвистике – к неправильному определению значения» (цит. по: [Гиндин, 2007, с. 72])¹.

¹ То есть, я полагаю, к неразличению денотата и сигнификата, а не к «отрицанию многозначности слов», как комментирует это место С. И. Гиндин [2007, с. 77 примеч. 24].

В статье о «брюсовской стихологии» Jakobson критикует символистов за то, что «поэзия трактуется <ими> в согласии с Потебней не как выражение, а как особый вид мышления» [1922, с. 223], и противопоставляет такому подходу собственное определение поэзии как «высказывания с установкой на выражение» [1921, с. 10]. Эта дефиниция развивает тезис Шкловского об «ощутимости построения»¹ и предвосхищает позднейшее Jakobsonовское определение поэтической функции как установки на сообщение ради него самого [Jakobson 1960, p. 356].

Важно отметить, что поэтическая функция повышает мотивированность слова: ««Оживление» внутренней формы, обнаружение скрытых смыслов является одним из самых характерных приемов поэтической речи – наряду с установлением новых ассоциативно-деривационных связей. При этом при использовании языка в поэтической (по Р. Jakobsonу) функции между этими двумя классами явлений нет жесткой границы» [Зализняк, 2000, с. 3].

Действительно, уже в «Новейшей русской поэзии» Jakobson интерпретировал факты «поэтической этимологии» у Хлебникова через призму учения о «внутренней форме» [1921, с. 47, 68; Шапир, 1990, с. 305]. С точки зрения конструирования внутренней формы поэтическая этимология или каламбур ничем не отличаются от «народной этимологии» (Volksetymologie), последняя же замещает собой этимологию реальную. Потебня, судя по всему, связывал поэтичность слова только с его подлинной этимологией². Поздний Jakobson, напротив, приравнивает поэтичность к каламбурной этимологизации: «Phonemic similarity is sensed as semantic relationship. The pun, or to use a more erudite, and perhaps more precise term – paronomasia, reigns over poetic art» [Jakobson, 1959, p. 238].

В отличие от «ортодоксальных» опоязовцев, «эклетик» Жирмунский³ считал, что различие законов поэтической (художественной) и прозаической (практической) речи у Шкловского «лишь внешним образом противоречит учению Потебни» [Жирмунский, 1928, с. 348] (ср.: [Плотников, 1923]). Согласно В. М. Жирмунскому, главное в наследии Потебни – это «самый метод, указанный в его трудах, – сближение поэтики с общей наукой о языке, лингвистикой» [Там же, с. 18]. Этот метод «оказался чрезвычайно плодотворным и получил широкое признание» [Там же]. Таким образом, по Жирмунскому, Потебня становится основоположником «поэтической лингвистики», или «лингвистической поэтики» [Шапир, 1987, с. 231; 1990, с. 257].

¹ Отмечено в антиформалистическом трактате П. Н. Медведева [1928, с. 121–123]. Ср. еще формулировку «ощутимость формы» в изложении Б. М. Эйхенбаума [1927, с. 126] и «ощутимость приема» у Б. В. Томашевского [1925, с. 229, ср. с. 160–161]. См. также: [Энгельгардт, 1927, с. 87–93].

² «Символизм языка, по-видимому, может быть назван его поэтичностью; наоборот, забвение внутренней формы кажется нам прозаичностью слова»; «...сь забвением внутренней формы произведения искусства теряют свою цѣну» [Потебня, 1862, ч. СХІІІ, с. 89, 98].

³ Опоязовцы называли Жирмунского «типичным эклектиком, примирителем крайностей» [Эйхенбаум, 1924, с. 8], а его метод – «академическим эклектизмом» [Тынянов, Jakobson, 1928, с. 36].

В Московском лингвистическом кружке подобный взгляд на потебнианское наследие разделял Ярхо, который впоследствии, в «Методологии точного литературоведения» (1935), с одобрением цитировал начало 8-й лекции Потебни по теории словесности: «Всѣ свойства поэтическаго произведенія находять соотвѣтствіе въ свойствахъ слова» [Потебня, 1894, с. 126] (см.: [Ярхо, 2006, с. 73 примеч. *]). Однако сам термин «внутренняя форма» Ярхо считал «никому не нужным» [2006, с. 43; Акимова, 2006, с. 93]. В 1924 г. на выступлении в РАХН в прениях по докладу Г. Г. Шпета «О границах научного литературоведения» Ярхо прямо заявлял: «Неправомерно деление форм на внешние и внутренние»¹.

Согласно Ярхо, понятие «внутренней формы» не столько перебрасывает мостик между поэтикой и стилистикой, сколько приводит к их смешению и методологической «сумятице» [2006, с. 43]. Ярхо требовал последовательного разграничения этих дисциплин, и в статье «Простейшие основания формального анализа» [1927, с. 9–11] доказывал, «что в стилистику входят только способы введения символа, логические единицы, а не самые образы, ассоциативные единицы» [2006, с. 43]. Разработанную в этой статье систематику Ярхо воспроизводит в «Методологии»: «Необычные звукосочетания составляют предмет **фоники**. Необычные грамматические формы – предмет **стилистики**. Необычные смысловые формы – предмет **поэтики**» [Там же, с. 73].

К словосочетанию *грамматические формы* Ярхо делает характерное примечание: «Грамматика понимается здесь очень широко: фонетика, морфология, синтаксис, лексика, семантика» [Там же, с. 73 примеч. **]. Под «семантикой» Ярхо понимает грамматическую семантику и все тропы, которые он предлагает рассматривать как логические операторы, «отдельно от заключенных в них образов, во избежание методологической путаницы» [1927, с. 10]. В результате способы образования значения отделяются от самих значений, но триада «внешняя форма – внутренняя форма – содержание» замещается триадой «внешняя форма – грамматическая (логическая) форма – образная форма» (содержание, по Ярхо, не является предметом филологических дисциплин). Соответственно потебнианская триада «ощущение – представление – понятие» заменяется триадой «ощущение – мышление – воображение»: «...элементы трех областей формы... действуют на нас через три различных канала нашей психики... а именно: звук – через слуховое **ощущение**, грамматические формы – через логические акты, т. е. через **мышление**; образы – через ассоциативные акты, т. е. через **воображение** (фантазию). Получаем следующую схему разделов литературоведения», – пишет Ярхо [2006, с. 77] и приводит таблицу:

¹ Российский государственный архив литературы и искусства [далее – РГАЛИ]. Ф. 941 (Государственная академия художественных наук). Оп. 14. Ед. хр. 9. Л. 6 об.

Возбудитель	Психич<еский> посредник	Раздел л<итературо>ведения
Звук слов	Слуховое ощущение	Фоника
Грамматич<еская> форма	Мышление	Стилистика
Образ	Воображение	Поэтика

При этом, как утверждает Ярхо в статье «Простейшие основания формального анализа», «**стилистика** оперирует со стилем, т. е. с **формой слова в его отношении к значению**» [1927, с. 12]. Это определение практически дословно совпадает с определением «внутренней формы, как отношения грамматической формы к логической» у крупнейшего русского гуссерлианца – Г. Г. Шпета и его учеников. Процитированная формулировка принадлежит умершему в 1924 году М. М. Кенигсбергу [1994, с. 161], но и сам Шпет в посвященной памяти Кенигсберга книге «Внутренняя форма слова» предпочитает «говорить о “внутренней форме”, как об **отношении** внешней сигнификативной формы и предметной формы вещного содержания»: «Внутренние формы... суть **отношения**, в которых термины – внешние звуковые формы и предметно оформленное смысловое содержание» [1927, с. 117, 128] (ср.: [Bird 2010, 35]).

К подобным формулировкам Шпет приходит еще в первой половине 1920-х годов, т. е. в тот период, когда эти идеи обсуждались в МЛК. Вот что мы читаем в написанном тогда, но оставшемся до последнего времени неопубликованным трактате «Язык и смысл» (1921–1925): «Формы – то, *через что* или благодаря чему происходит *понимание*, значение суть само понимаемое. В живом опыте они – единое, и их единство – в форме. *Понятие* как средство понимания не есть значение в собственном смысле, а есть *оформленное* значение. Внутренняя форма слова, как понятие, не есть само значение, а некоторое *отношение* между терминами корреляции: *слово – значение*... Разумеется, в себе сфера слов также не однородна, и рядом с “понятием” располагается область таких форм, как “образ”, “фигура”, “символ” и пр. Здесь, очевидно, своя особенная тема» [2005, с. 620].

Еще Потебня концептуализировал внутреннюю форму как отношение, но давал ему индивидуально-психологическую интерпретацию: «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [1862, ч. СХІІІ, с. 87]. Протестуя против потебнианского психологизма, петроградский формализм в лице Шкловского предлагает радикально иную формулировку: «Литературное произведение есть чистая форма, оно есть не вещь, не материал, а отношение материалов» [1921, с. 4]. Однако потебнианский поход содержит потенциал семасиологической или семиотической интерпретации понятия «отношение» (*отношение* есть *знак*). Такая интерпретация оказалась приемлемой для московских формалистов (включая Ярхо), а глубже других ее разработкой занялся Шпет. Таким образом, восходящая к Потебне *реляционная* концепция формы была характерна для всех разновидностей русского формализма: в той или иной версии ее высказывают все формалисты-антагонисты, от Шкловского до Винокура и от Ярхо до Шпета.

Особый интерес к проблеме «внутренней формы» проявило феноменологическое крыло Московского лингвистического кружка, сгруппировавшееся вокруг Шпета. После распада МЛК деятельность «эмпириков» и «феноменологов» продолжилось в Российской (впоследствии – Государственной) академии художественных наук (РАХН/ГАХН).

В противовес эмпирикам-позитивистам, доминировавшим в МЛК в 1919–1920 годах, молодые феноменологи (А. А. Буслаев, Н. И. Жинкин, М. М. Кенигсберг) стремились построить поэтику не на базе фонетики или фонологии, на базе семасиологии (семантики), исходя из того, что язык представляет собой прежде всего знаковое, семиотическое явление [Шапир, 1994, с. 75–77, 82–83]. Формалисты-«эмпирики» мыслили поэтику как раздел лингвистики, формалисты-«феноменологи» – как раздел семиотики. Поздний Якобсон синтезировал эти два подхода, но уже в пражский период он совмещал лингвистический подход с общесемиотическим, как бы снимая противоречия между альтернативными методологическими установками МЛК [Pił'sčikov, 2011, s. 99]. В курсе лекций о русском формализме, прочитанном в 1935 г. в Брненском университете, он утверждал: «В первые годы существования формальной школы шли жаркие дебаты о том, можно ли проблему поэзии... свести к лингвистической проблеме, то есть имеем ли мы право редуцировать научную проблему поэзии до проблемы языка в его эстетической функции...

В поэтической форме... есть элементы, которые... не имеют в себе ничего специфически лингвистического, но представляют собой общесемиологическую проблему.

Таким образом, целостное понимание знака помогает включить поэтику... в семиологию, науку о знаках» [Jakobson, 2005, s. 80]¹.

Якобсон считал поэтику разделом лингвистики, а лингвистику – разделом семиологии (эта позиция восходит, в конечном счете, к Соссюру). В то же время в брненском курсе происходит переоценка Потебни: Потебня и Веселовский становятся главными предшественниками формализма [Jakobson, 2005, s. 38–58] (см.: [Гланц, 2011, с. 116–118]). При этом понятие внутренней формы Якобсон, опираясь на мысли Потебни в изложении и интерпретации Андрея Белого, тут же расширяет до концепта поэтической (resp. каламбурной) этимологизации: «Внутреннюю форму слова Потебня понимает как взаимодействие данного значения со всем набором его потенциальных значений, как взаимодействие основного, первичного значения слова с его вторичными значениями, а также как его взаимодействие и с однокоренными словами, и со словами похожими или тождественными по звучанию, т. е. с омонимами, и со словами похожими или более-менее тождественными по значению, т. е. с синонимами.

Идеалом слова является его собственная автономия, полноправие, т. е. наибольший расцвет, наибольшее осуществление, максимальная актуализация его внутренней формы и звуковой формы: здесь интенсивно усиливается значение слова как части пучка родственных слов, многообразие его значений,

¹ Здесь и далее использован перевод издания [Якобсон, 2011], в который внесены необходимые изменения для более точной передачи оригинала.

слово вступает в разнообразные действенные отношения со словами, близкими ему звуковым составом или значением. Слово становится здесь не однозначной эмблемой, а символом в прямом смысле этого термина, т. е. знаком многозначным, знаком нескольких планов. Потебня ставит вопрос: где этот идеал наиболее действенно и последовательно воплощается? Ответ очевиден: в художественном творчестве, в поэзии. Значит, поэзия есть высшее проявление языка» [Jakobson, 2005, s. 41].

Ср. в статье Белого о Потебне: «...идеаль мысли – автономия, т. е. умерщвление внутренней формы слова, превращение слова в эмблематической звук; идеаль слова – автономия, т. е. максимальный расцвет внутренней формы; онъ выражается въ многообразіи переносныхъ смысловъ, открывающихся въ звукѣ слова: слово здѣсь становится символомъ; автономія слова осуществляется въ художественномъ творствѣ; оно же есть фокусъ словообразований».

Таковъ выводъ изъ ученія Потебни объ отношеніи внутренней и внешней формъ слова...» [Белый, 1910, с. 250].

Соположение имен Потебни и Веселовского в этом контексте неслучайно – вслед за Б. М. Энгельгардтом мы можем возвести противостояние двух формальных школ к дихотомии подходов, предложенных их предшественниками: Опояз и «эмпириков» МЛК можно отнести к традиции Веселовского, а феноменологов МЛК и ГАХН – к традиции Потебни¹.

В конце 1923 и в начале 1924 года на заседаниях философского отделения ГАХН (тогда еще РАХН) были прочитаны доклады Г. Г. Шпета («Понятие внутренней формы у Вильгельма Гумбольдта»), А. А. Буслаева («Понятие внутренней формы у Штейнталя и Потебни») и М. М. Кенигсберга («Понятие внутренней формы у Антона Марти»). Гахновский доклад Шпета вырос в его собственное учение о внутренней форме, изложенное в книге «Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольдта)» (1927). Но в «Эстетических фрагментах» (1923) Шпет развивал антипсихологическую концепцию образа, отказываясь связывать поэтический образ со зрительным представлением [Шапир, 1990, с. 307 примеч. 7; Акимова и др., 2006, с. 634 примеч. 106]. При этом Шпет противопоставлял свой подход и подходу Потебни, и подходу немецкоязычных теоретиков «внутренней формы слова» – прежде всего берлинца Штейнталя и швейцарца Марти, которые тоже концептуализировали «внутреннюю форму» (и вообще форму) как отношение между двумя терминами.

Из бывших сторонников Якобсона и Опояза наибольшее влияние Шпета, по замечанию М. И. Шапира, испытал Винокур [Шапир, 1990, с. 315; 2000]. Для Винокура новизна и ценность «Эстетических фрагментов» Шпета заключается в том, что они выдвигают «усмотрение **структурного** строения всего нашего культурно-социального бытия», «понимание культуры как **выражения**, овнешнения, реализации смысла», понимание «слова как принципа культурного выражения» и обращение к понятию «**внутренней формы**» «не в тра-

¹ Энгельгардт противопоставляет «современных футуристов» (т. е. опоязовцев), опирающихся на Веселовского, и «московскую школу» потебнианцев, главой которой он называет Андрея Белого [Энгельгардт, 2005, с. 59–60].

диционном для русской науки потебнианском ее понимании, а в понимании ее как внутреннего членения словесной структуры, слагающейся в переплетении синтаксических форм слова с его логическими формами и в этом качестве являющейся основанием нашего эстетического переживания поэзии» [Винокур, 1990а, с. 87].

Сходную концепцию с опорой на Шпета развивал сам Винокур: «Определение предмета поэтики... должно... свестись к предметному описанию структуры слова и к отысканию в ней таких моментов, которые и делают это слово поэтическим. Но здесь уже совершенно очевидной становится необходимость реабилитации понятия “образа”, на более научном языке – “внутренней формы”, столь незаслуженно забытого как лингвистикой нашей, так и поэтикой. Для этого, конечно, нет никакой надобности возвращаться к психологистическим теориям Потебни, а кроме того, нужно помнить, что речь идет именно о словесных образах, т. е. о внутренней форме слова. Аналогично тому, как в слове вообще существуют внутренние логические формы, составляющие собственно предмет нашего **понимания** и через свое понимание открывающие смысл, так и в поэзии существуют **свои** внутренние формы, формы поэтические, “образные”, “символические”, понимание которых и есть путь к постижению **поэтического смысла**» [Винокур, 1990б, с. 70–71; 1925, с. 169–170; 1929, с. 269].

Якобовскую «литературность, т. е. то, что делает данное произведение литературным произведением» [Якобсон, 1921, с. 11], Винокур отождествляет с «внутренней формой»: «Поэма... есть особый и специфический предмет культуры: она существует в ней именно как поэма. Нам надлежит поэтому отыскать в структуре поэмы как своеобразного исторического предмета такие признаки, о которых можно было бы сказать, что как раз они и делают поэму поэмой, сообщают ей все для нее специфическое и характерное. Этот *specificum* поэтической структуры есть **поэтическая внутренняя форма**, как носитель особого, поэтического значения слова, основание его образности и символичности» [Винокур, 1927, с. 75].

Переход Винокура на феноменологические позиции вызвал, как известно, неудовольствие уже эмигрировавшего к тому времени Якобсона, соратником которого в ГАХН оказался Ярхо. На Соединенном заседании философского отделения и подсекции теоретической поэтики литературной секции, прошедшем 6 февраля 1925 г., был заслушан доклад Б. В. Горнунга «К вопросу о предметах и задачах поэтики». Ярхо открыто выступил против феноменологической поэтики: «*Б. И. Ярхо*: ...Попытки Гуссер<ли>анского построения поэтики делались, но всегда о<ни> оканчивались неудачно: самое большее, к чему они приводили, – это к созданию фрагмента. Но не цельных систем поэтики»¹.

А в протокол заседания Ярхо вносит существенную, с его точки зрения, поправку: «*Б. И. Ярхо* считает недопустимым причисление Якобсона к автодидактам в стиле Шкловского и настаивает на замене выражения “неспособ-

¹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14. Ед. хр. 9. Л. 29.

ность” выражением “нежелание” В. М. Жирмунского, Б. И. Ярхо и некоторых других ученых разобраться в современных философских теориях»¹.

Полемика формалистов с Потебней привела в конечном счете к разграничению поэтической и стиховой семантики. Действительно, поэтическая функция языка реализуется не только в поэзии, но и в прозе (в том числе нехудожественной), а вот семантические деформации, заданные стиховой структурой (позиция слова в стихотворной строке, отношение к границе стиха и т. д.), возможны только в стихотворной речи. Наиболее последовательно это разграничение проведено в статье М. М. Кенигсберга «Анализ понятия “стих”» (1924) и особенно в поздней, незавершенной ее редакции, в которой безвременно умерший Кенигсберг, по свидетельству Б. В. Горнунга, «склонялся... к пониманию стиха... как одной из *внутренних поэтических* форм слова», т. е. к рассмотрению «стиховых форм» как одного из «частных видов внутренних поэтических форм». Поясняя сказанное, Горнунг добавляет: «Некоторый свет на эту последнюю позицию автора может пролить его статья об учении Марти» [Кенигсберг, 1994, с. 150–151].

Статья Кенигсберга «Понятие внутренней формы у Антона Марти и возможности дальнейшей интерпретации» и статья А. А. Буслаева «Понятие внутренней формы у Штейнталя и Потебни» были приняты к печати в запланированном первом выпуске «Трудов Комиссии по изучению проблемы формы при Философском отделении Р.А.Х.Н.», который так и не увидел свет. Непубликованная статья Кенигсберга хранится в фонде Н. И. Жинкина в ЦММЛС и подробно рассмотрена в недавней работе Микелы Вендитти [2010a]. По мысли Марти, пишет Кенигсберг, «любой предмет, поставленный в известное соотношение, может рассматриваться, как форма, что приобретает особенно важное значение при... спецификации понятия “форма”»². Для Марти – а вслед за ним для Кенигсберга и Шпета – недопустимо отождествление и смешение понятий «внутренняя форма» и «значение». Как говорит Шпет, внутренние формы – это «алгоритмы», конституирующие отношения между знаком и смыслом [1927, с. 119–121, 138, 141, 158 и др.] (ср.: [Вендитти, 2012, с. 362; Dennes, 2012, р. 28–29]). «Внутренняя форма» – это не «значение», а способ производства значения. Парадоксальным образом Шпет вновь совпадает по выводам со своим главным (в формалистическом контексте) антагонистом – Ярхо³.

Местонахождение статьи Буслаева остается неизвестным, а ссылка на тезисы его доклада имеется в Протоколе № 11 Заседания Комиссии по изучению проблемы формы при философском отделении РАХН от 23 января 1924 г.:

¹ Там же. Л. 29 об.

² Центральный московский архив-музей личных собраний. Ф. 52 (Н. И. Жинкин). Оп. 1. Д. 294. Л. 25.

³ О концепции «внутренней формы» у Шпета см.: [Dennes, 2006; Zavialoff, 2007; Anisimova-Frappé, 2008; Venditti, 2008; Вендитти, 2010b; Tihanov 2010, р. 50–52]. Сопоставление взглядов Ярхо и Шпета см.: [Акимова, 2006; Вендитти, 2012].

«А. А. Буслаев читает доклад на тему: “Понятие внутренней формы у Штейнталя и Потебни” (основные положения доклада прилагаются).

В прениях приняли участие Б. В. Горнунг, Н. И. Жинкин и Г. Г. Шпет»¹.

Однако обнаружить буслаевские тезисы в архиве ГАНХ не удалось. Отчасти содержание доклада можно реконструировать по главам трактата Шпета «Язык и смысл», посвященным проблеме внутренней формы у Штейнталя: вряд ли Буслаев не был осведомлен о взглядах Шпета на этот предмет, и вряд ли Шпет не учел в своем изложении основных положений доклада Буслаева.

Шпет, анализируя Штейнталя, выступает прежде всего против штейнталевского психологизма и генетического эволюционизма: «В развитии внутренней формы Штейнталь намечает три ступени, историческому значению которых мы, вопреки Штейнталю, не придаем ни малейшей ценности, а обратим внимание только на их принципиальное значение» [Шпет, 2005, с. 624].

Первая ступень – патогномическая, стадия ономапопеи. Вторая ступень – характеризующая, стадия этимологии. Третья ступень – современная стадия. «Звук и объективная интуиция (значение) связываются непосредственно, внутренняя форма языка выпадает из сознания, она является только точкой без протяжения и содержания, где соприкасаются звук и значение» [Там же, с. 625].

Однако, обращаясь к проблеме внутренней формы, оговаривается Шпет, «в последующем я имею в виду не критику психологизма у Штейнталя, а выделение того, что может быть ценно для раскрытия положительного смысла интересующего нас понятия. – Согласно общему определению Штейнталя, “внутренняя форма языка” есть связь звука и его значения, связь или отношение внешней формы и некоторого содержания сознания» [Там же, с. 625–626]. Штейнталь, согласно Шпету, вплотную подходит к представлению о внутренних формах как «предмете идеального порядка, следовательно, и дисквалификация их в простую эмпирическую “совокупность субъективных представлений” теряет свое значение как основа для анализа понятия “внутренней формы”. Так прощупывается *основание для точного изучения форм языка*: грамматических, логических, эстетических и др.» [Там же, с. 627]. Расширяя и одновременно уточняя определения Штейнталя, Шпет приходит к выводу, что «к внутренней форме языка относится не только его грамматическая, но также логическая и эстетическая структура языка» [Там же, с. 635]. В книге «Внутренняя форма слова» Шпет делает следующий шаг и формулирует необходимость изучения «поэтического языка» как системы специфических эстетических языковых структур и их функций.

Винокур считал, что идеи, высказанные в работах Шпета и его последователей о «внутренней форме», могут дать новый толчок к исследованиям поэтической и стиховой семантики. Примером реализации такого подхода в области стиховедения может послужить работа самого Винокура «Вольные ямбы Пушкина» (1928). В ней он предлагает решать вопрос о семиотике метра через описание семантизированной системы стиховых форм конкретного автора².

¹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14. Ед. хр. 7. Л. 14.

² Ср. заключительный программный абзац этой статьи: «Изучение пушкинского стиха как **поэтической формы**, на мой взгляд, еще не начиналось.

Такое описание может существенно дополнить эволюционное описание семантики отдельных стихотворных размеров на разных этапах национальной стиховой традиции («семантического ореола метра»), предложенное «формалистами-эмпириками» Осипом Бриком и Якобсоном и затем разработанное русскими структуралистами К. Ф. Тарановским и М. Л. Гаспаровым (см.: [Шапир, 1991; Гаспаров, 1999]). Попытка синтеза обеих традиций была предпринята в рамках структурализма, но не русского, а чешского. Мирослав Червенка в статье «Семантика метра в творчестве Й. В. Сладека» (1981) дополняет традицию диахронического изучения метрической семантики синхроническим описанием семантики стихотворных размеров и отдельных периодических признаков в версификационной системе отдельного автора, периода и т. д. [Ljapin, Pilščíkov, 2012, s. 432; Ляпин, Пильщиков, 2013, с. 55]¹. Чисто диахроническому подходу Червенка противопоставляет «гипотезу о совокупности размеров как знаковой системе». При этом он осознаёт, что всякое синхронное состояние осложнено диахронной динамикой, а значит, семантика метра может быть пред-задана художнику исторически – «в обобщении опыта хронологически предшествующих употреблений, вошедших в сферу литературного сознания эпохи» [Červenka, 1981, s. 162]².

За незначительными счастливыми исключениями все, что мы имеем в этой области, состоит в лучшем случае из неточных описаний, а в остальном – в механическом и внешнем обращении с пушкинским стихом как с абстрагированным физическим звучанием. Но никакие подсчеты, измерения и таблицы, никакие теории “ипостас”, “лейм” и “ускорений” не раскроют нам в метрической форме того, *формой* чего она является, т. е. поэзии. Метр не только звучит, но и значит, и только тогда, когда мы научимся смотреть на него как на форму не только внешнюю, но и внутреннюю, мы будем знать, как можно слышать голос поэзии в этой казалось бы чисто-внешней смене ударенных и неударенных слогов. Разумеется, здесь речь идет о значении порядка не идейного, а стилистически-экспрессивного, и “значением” своим метр свидетельствует не о содержании поэзии, а лишь о ее типе и характере. Разные метры сплошь да рядом “значат” то же самое, и самые разнообразные поэтические формы порою уживаются в одних и тех же метрических вариантах. И тем не менее, в каждом отдельном случае, в каждом конкретном стихотворении, метр значит именно то, что он значит. Нельзя сказать, что значит и какие поэтические функции несет на себе разностопный ямб в общем смысле, но можно и должно сказать, воплощением каких внутренних качеств поэтического слова является этот метр в данной редакции данного стихотворения данного автора. От использования пушкинского материала для общих рассуждений и теорий в области метрики давно уже пора перейти к конкретной интерпретации пушкинских стихотворных форм и историческому их изучению» [Винокур, 1930, с. 36].

¹ Ср. также работу М. Ю. Лотмана, посвященную вопросу об индивидуальных семантических ореолах у отдельных поэтов [1988].

² Ср. рус. пер.: [Червенка, 2011, с. 202]. Указанная статья Червенки была впервые напечатана на немецком в 1981 году. Чешский оригинал был опубликован два года спустя в самиздатском сборнике «Z večerní školy versologie, 1»

Таким образом, развивая мысль Потебни, можно сказать, что семиотическая структура метра (так же, как и семиотическая структура художественного текста) изоморфна семиотической структуре слова: в ней можно выделить внешнюю форму, внутреннюю форму и содержание.

Литература

Акимова М. В. Б. И. Ярхо в полемике с тыняновской концепцией стихотворного языка // *Philologica*. 2001/2002. Т. 7, № 17/18. С. 207–225.

Акимова М. В. Ярхо и Шпет // *Стих, язык, поэзия: памяти Михаила Леонovichа Гаспарова*. М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 91–102.

Акимова М. В., Пильщиков И. А., Шапир М. И. Комментарии // Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения: Избр. тр. по теории лит. / Изд. подгот. М. В. Акимова, И. А. Пильщиков, М. И. Шапир; под ред. М. И. Шапира. М.: Языки слав. культур, 2006. С. 611–807. (*Philologica russica et speculativa*, t. 5).

Бибихин В. В. В поисках сути слова: внутренняя форма у А. А. Потебни // *Новое лит. обозрение*. 1996. № 14. С. 23–34.

Белый А. Мысль и язык (философия языка А. А. Потебни) // *Логос*. 1910. Кн. 2. С. 240–258.

Вендитти М. Исследование М. Кенигсберга о внутренней форме слова у А. Марти (1924) // *Логос*. 2010а. № 2 (75). С. 150–161.

Вендитти М. Внутренняя форма слова у Г. Шпета и у А. Марти // *Густав Шпет и его философское наследие: у истоков семиотики и структурализма*. М.: РОССПЭН, 2010б. С. 266–273.

Вендитти М. К сравнению научных методологий Б. И. Ярхо и Г. Г. Шпета // *Philologica*. 2012. Т. 9, № 21/23. С. 357–367. URL: <http://www.rvb.ru/philologica/09pdf/09venditti.pdf>

Винокур Г. О. [Рецензия] // *Печать и революция*. 1924. Кн. 4. С. 269–271. Рец. на кн.: Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Л.: Academia, 1924. 140 с.

Винокур Г. О. *Культура языка: очерки лингвистической технологии*. М.: Работник просвещения, 1925.

Винокур Г. О. *Биография и культура*. М.: Гос. акад. худож. наук, 1927. (Тр. Гос. акад. худож. наук. Филос. отд-ние; вып. 2).

Винокур Г. О. *Культура языка: очерки лингвистической технологии*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Федерация, 1929.

Винокур Г. О. *Вольные ямбы Пушкина* // *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Вып. 38/39. С. 23–36.

под заглавием «Метр и смысл» («Metrum a význam. Na materiálu díla J. V. Sládka»). Симптоматично совпадение этого заглавия с названием вышедшей полтора десятилетия спустя книги М. Л. Гаспарова («Метр и смысл» [1999]). Ср. также две другие статьи с тем же заглавием: [Руднев, 1971; Гаспаров, 1976] (последняя вошла в книгу [Гаспаров, 1999]). Об интересе Гаспарова к трудам Червенки и Червенки к трудам Гаспарова см.: [Ляпин, Пильщиков, 2013, с. 61–62].

Винокур Г. О. Понятие поэтического языка // Докл. и сообщ. филол. фак. МГУ. М.: Изд-во МГУ, 1947. Вып. 3. С. 3–7.

Винокур Г. О. [Рецензия] // Винокур Г. О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика / Сост. Т. Г. Винокур, М. И. Шапир; вступ. ст. и коммент. М. И. Шапира. М.: Наука, 1990а. С. 87–88. Рец. на кн.: Шпет Г. Эстетические фрагменты. Пб.: Колос, 1922–1923. Вып. 1–3.

Винокур Г. О. Русская поэтика и ее достижения // Винокур Г. О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика / Сост. Т. Г. Винокур, М. И. Шапир; вступ. ст. и коммент. М. И. Шапира. М.: Наука, 1990б. С. 67–86.

Гаспаров М. Л. Работы Б. И. Ярхо по теории литературы // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1969. Вып. 236. С. 504–514. (Тр. по знаковым системам, 4).

Гаспаров М. Л. Метр и смысл: к семантике русского трехстопного хоря // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35, № 4. С. 357–366.

Гаспаров М. Л. Метр и смысл: об одном из механизмов культурной памяти. М.: Изд-во РГГУ, 1999.

Гиндин С. И. Как Московский лингвистический кружок воевал с Брюсовым и Потебней / Сост., вступ. заметка и коммент. С. И. Гиндина; подгот. текстов А. В. Маньковского // Новое лит. обозрение. 2007. № 86. С. 70–78.

Гланц Т. Формализм Якобсона // Якобсон Р. Формальная школа и современное русское литературоведение / Пер. с чеш. Е. Бобраковой-Тимошкиной. М.: Языки слав. культур, 2011. С. 102–121.

Жирмунский В. М. Вопросы теории литературы: статьи 1916–1926. Л.: Academia, 1928.

Зализняк Анна А. Внутренняя форма // Энциклопедия Кругосвет: универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. [М.: ООО «Кругосвет», 2000]. С. 1–3. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/VNUTRENNYAYA_FORMA_SLOVA.html

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки слав. культур, 2006.

Кенигсберг М. М. Из стихологических этюдов: 1. Анализ понятия «стих» / Подгот. текста и публ. С. Ю. Мазура, М. И. Шапира; вступ. заметка и примеч. М. И. Шапира // Philologica. 1994. Т. 1, № 1/2. С. 149–185.

Лотман М. Ю. Русский стих: семантика стихотворного метра в русской поэзии второй половины XIX века (А. А. Фет и Н. А. Некрасов) // *Slowiańska metryka rogowpawcza*. Wrocław: Ossolineum, 1988. Т. 3: *Semantyka form wierszowych: praca zbiorowa / Pod red. L. Pszczółowskiej*. S. 105–144.

Ляпин С. Е., Пильщиков И. А. О трудах Мирослава Червенки по теории и истории стиха (к выходу первого русского издания его работ) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2013. Т. 72, № 3. С. 53–65.

Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении: критическое введение в социологическую поэтику. Л.: Прибой, 1928.

Плотников И. П. «Общество изучения поэтического языка» и Потебня // Педагогическая мысль. 1923. № 1. С. 31–40.

Потебня А. А. Мысль и язык // Журн. мин-ва народ. просвещения. 1862. Ч. СХІІІ, № 1, отд. II. С. 1–54; № 2, отд. II. С. 55–94; № 3, отд. II. С. 95–118; Ч. СХІV, № 4, отд. II. С. 1–33; № 5, отд. II. С. 89–131.

Потебня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков: Тип. К. Счасни, 1894.

Руднев П. А. Метр и смысл // *Metryka słowiańska: praca zbiorowa / Pod red. Z. Korczyńskiej, L. Pszczołowskiej.* Wrocław: Ossolineum, 1971. S. 77–88.

Томашевский Б. В. Теория литературы (поэтика). М.; Л.: Гос. изд-во, 1925.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л.: Academia, 1924. (Вопросы поэтики: Непериод. сер., изд. Отд. словес. искусств / Гос. ин-т истории искусств; вып. 5).

Тынянов Ю. Н. [Рецензия] // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Изд. подгот. Е. А. Тоддес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М.: Наука, 1977. С. 167. Рец. на кн.: Райнов Т. Александр Афанасьевич Потебня. Пг.: Колос, 1924. 110 с.

Тынянов Ю. Н., Якобсон Р. Проблемы изучения литературы и языка // *Новый Леф.* 1928. № 12. С. 35–37.

Червенка М. Смысл и стих: Тр. по поэтике / Сост. и общ. ред. Т. Гланца, К. Постоутенко; пер. с чеш. А. Бобракова-Тимошкина. М.: Языки слав. культур, 2011.

Шапир М. И. «Грамматика поэзии» и ее создатели (теория «поэтического языка» у Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона) // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1987. Т. 46, № 3. С. 221–236.

Шапир М. И. Комментарии // Винокур Г. О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика / Сост. Т. Г. Винокур, М. И. Шапир; вступ. ст. и коммент. М. И. Шапира. М.: Наука, 1990. С. 256–365.

Шапир М. И. «Семантический ореол метра»: термин и понятие (историко-стиховедческая ретроспекция) // *Лит. обозрение.* 1991. № 12. С. 36–40.

Шапир М. И. М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха // *Russian Linguistics.* 1994. Vol. 18, № 1. P. 73–113.

Шапир М. И. «Теперь для меня невозможен даже компромисс»: из истории отношений Г. О. Винокура с «Лефом» / Вступ. ст., публ. и примеч. М. И. Шапира // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 2000. Т. 59, № 1. С. 60–66.

Шкловский В. Б. Потебня // *Поэтика.* Пг.: 18-я Гос. тип., 1919. С. 3–6. (Сб. по теории поэтич. языка; 3)

Шкловский В. Б. Розанов. [Пг.]: Опояз, 1921. (Сб. по теории поэтич. языка; 4).

Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольдта). М.: Гос. акад. худож. наук, 1927. (История и теория искусств; вып. 8).

Шпет Г. Г. Язык и смысл // Шпет Г. Мысль и Слово: Избр. тр. / Сост. тома и отв. ред. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005. С. 470–657.

Эйхенбаум Б. М. Вокруг вопроса о «формалистах» // *Печать и революция.* 1924. Кн. 5. С. 1–12.

Эйхенбаум Б. М. Теория «формального метода» // Эйхенбаум Б. Литература: теория; критика; полемика. Л.: Прибой, 1927. С. 116–148.

Энгельгардт Б. М. Формальный метод в истории литературы. Л.: Academia, 1927. (Вопросы поэтики: Непериод. сер., изд. Отд. словес. искусств / Гос. ин-т истории искусств; вып. 11)

Энгельгардт Б. М. Лингвистическая теория Потебни в ее отношении к истории литературы // Энгельгардт Б. М. Феноменология и теория словесности / Сост., предисл., послесл., науч. коммент. А. Б. Муратова. М.: Новое лит. обозрение, 2005. С. 59–98.

Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия: набросок первый. Прага: Политика, 1921.

Якобсон Р. О. Брюсовская стихология и наука о стихе // Научные известия / Акад. центр Наркомпроса. М., 1922. Сб. 2: Философия; литература; искусство. С. 222–240.

Якобсон Р. О. Формальная школа и современное русское литературоведение / Пер. с чеш. Е. Бобраковой-Тимошкиной. М.: Языки слав. культур, 2011.

Ярхо Б. И. Простейшие основания формального анализа // *Ars Poetica*: Сб. подсекции теор. поэтики / Под ред. М. А. Петровского. М., 1927. С. 7–28. (Тр. Гос. акад. худож. наук. Лит. секция; вып. 1).

Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения: Избр. тр. по теории лит. / Изд. подгот. М. В. Акимова, И. А. Пильщиков, М. И. Шапир; под ред. М. И. Шапира. М.: Языки слав. культур, 2006. (*Philologica russica et speculativa*; t. 5).

Anisimova-Frappé N. Gustave Chpet et le problème de la forme interne du mot: ouverture à la linguistique // *Slavica occitania*. 2008. T. 26: Gustave Chpet et son héritage. Aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique / Ed. M. Dennes. P. 89–95.

Aumüller M. Innere Form und Poetizität: die Theorie Aleksandr Potebnjas in ihrem begriffsgeschichtlichen Kontext. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005. (*Slavische Literaturen. Texte und Abhandlungen*; Bd. 35).

Bird R. The Hermeneutic Triangle: Gustav Shpet's Aesthetics in Context // *Gustav Shpet's Contribution to Philosophy and Cultural Theory* / Ed. by G. Tihanov. [West Lafayette, IN]: Purdue University Press, 2010. P. 28–44.

Červenka M. Die Semantik des Metrums im Werk von Josef V. Sládek / Übersetzt von C. Hansen-Löve // *Wiener slawistischer Almanach*. 1981. Bd. 8. S. 159–185.

Dennes M. De la «structure du mot» à la «forme interne» chez Gustav Špet // *Revue germanique internationale*. 2006. № 3: L'Allemagne des linguistes russes / Sous la dir. de C. Trautmann-Waller. P. 77–92.

Dennes M. Gustav Špet: l'héritage et la critique de Humboldt comme accomplissement d'une innovation scientifique // *Cahiers de l'ILSL*. 2012. № 33: Humboldt en Russie / Ed. par P. Seriot. P. 17–32.

Fontaine J. La «innere Form»: de Potebnja aux formalistes // *Revue germanique internationale*. 2006. № 3: L'Allemagne des linguistes russes / Sous la dir. de C. Trautmann-Waller. P. 51–62.

Gasparov B. From Romantic philosophy of language to modern linguistics: the case of Potebnia // *Cahiers de l'ILSL*. 2012. № 33: Humboldt en Russie / Ed. par P. Seriot. P. 75–86.

Jakobson R. On linguistic aspects of translation // *On translation* / Ed. by R. A. Brower. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1959. P. 232–239.

Jakobson R. Closing statement: Linguistics and poetics // *Style in Language* / Ed. by T. A. Sebeok. Cambridge, Mass.: The M.I.T. Press, 1960. P. 350–377.

Jakobson R. Formalistická škola a dnešní literární věda ruská / Ed. T. Glanc. Praha: Academia, 2005.

Kokochkina (Simonato) E. De Humboldt à Potebnja: évolution de la notion d'«innere Sprachform» // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 2000. № 53. P. 101–122.

Lachmann R. Potebnja's Concept of Image // *The Structure of the Literary Process: Studies Dedicated to the Memory of Felix Vodička* / Ed. by P. Steiner, M. Červenka and R. Vroon. Amsterdam & Philadelphia, PA: John Benjamins, 1982. P. 297–319. (*Linguistic and Literary Studies in Eastern Europe*; 8).

Ljapin S., Pilščikov I. Nad prvním ruským výborem prací Miroslava Červenky / Přel. A. Machoninová // *Česká literatura*. 2012. Roč. 60, čís. 3. S. 428–444.

Passarella S. La forma interna della parola in Russia: le variazioni linguistiche ed estetiche di Aleksandr Afanas'evič Potebnja sui temi di Humboldt e Steinthal // *Russica romana*. 2007. Anno XIV. P. 39–51.

Pilščikov I. A. Il retaggio scientifico del formalismo russo e le scienze umane moderne / Trad. ed introduzione di C. Cadamagnani // *Enthymema*. 2011. № 5. P. 70–102. URL: <http://riviste.unimi.it/index.php/enthymema/article/view/1751>

Seifrid T. *The Word Made Self: Russian Writings on Language, 1860–1930*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005.

Tihanov G. Innovation and Regression: Gustav Shpet's Theoretical Concerns in the 1920s // *Critical Theory in Russia and the West* / Ed. by A. Renfrew and G. Tihanov. Abingdon; New York: Routledge, 2010. P. 44–62.

Venditti M. La forme interne du mot chez G. Chpet et A. Marty // *Slavica occitania*. 2008. 26: Gustave Chpet et son héritage. Aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique / Ed. M. Dennes. P. 181–190.

Zavialoff N. Actualité de la notion de forme interne chez Gustave Chpet // G. Chpet. *La forme interne du mot: études et variations sur des thèmes de Humboldt* / Trad. du russe par N. Zavialoff; pref. de M. Dennes; avant-propos et post-face de N. Zavialoff. P.: Kimé, 2007. P. 15–51.

Zenkine S. Forme interne, forme externe: les transformations d'une catégorie dans la théorie russe du XXe siècle // *Revue germanique internationale*. 2006. № 3: L'Allemagne des linguistes russes / Sous la dir. de C. Trautmann-Waller. P. 51–62.

Article metadata

Title: «The Inner Form of the Word» in the Theories of Poetic Language.

Author: Igor Alekseevich Pilshchikov.

Author's e-mail: pilshch@mail.ru.

Author affiliation: Institute for World Culture of Lomonosov Moscow State University; Estonian Institute of Humanities of Tallinn University.

Abstract: This article is devoted to the development of the ideas of Russian and German neo-Humboldtians in the theories of Petrograd and Moscow formalists. First and foremost, various interpretations of Aleksandr Potebnja's concept of the "inner form of the word" are discussed. The scholars' attempts to use this concept

contributed to the formation of the formalist theory of poetic language, and led to the distinction between poetic semantics and verse semantics. At the same time, all branches of Russian formalism inherited and developed Potebnja's relational concept of form in general and "inner form" in particular: this approach is characteristic of all Russian formalists, from Viktor Shklovsky to Grigorij Vinokur, and from Boris Jarcho to Gustav Shpet.

Key terms: inner form, theory of poetic language, poetic semantics, verse semantics, Russian formalism, Potebnja.

Reference literature (in transliteration):

Akimova M. V. B. I. Jarho v polemike s tynjanovskoj koncepciej stihotvornogo jazyka // *Philologica*. 2001/2002. T. 7, № 17/18. S. 207–225.

Akimova M. V. Jarho i Shpet // *Stih, jazyk, poezija: pamjati Mihaila Leonovicha Gasparova*. M.: Izd-vo RGGU, 2006. S. 91–102.

Akimova M. V., Pil'shchikov I. A., Shapir M. I. Kommentarii // Jarho B. I. Metodologija tochnogo literaturovedenija: Izbr. tr. po teorii lit. / Izd. podgot. M. V. Akimova, I. A. Pil'shchikov, M. I. Shapir; pod red. M. I. Shapira. M.: Jazyki slav. kul'tur, 2006. S. 611–807. (*Philologica russica et speculativa*, t. 5).

Bibihin V. V. V poiskah suti slova: vnutrennjaja forma u A. A. Potebni // *Novoe lit. obozrenie*. 1996. № 14. S. 23–34.

Belyj A. Mysl' i jazyk (filosofija jazyka A. A. Potebni) // *Logos*. 1910. Kn. 2. S. 240–258.

Venditti M. Issledovanie M. Kenigsberga o vnutrennej forme slova u A. Marti (1924) // *Logos*. 2010a. № 2 (75). S. 150–161.

Venditti M. Vnutrennjaja forma slova u G. Shpeta i u A. Marti // *Gustav Shpet i ego filosofskoe nasledie: u istokov semiotiki i strukturalizma*. M.: ROSSPJeN, 2010b. S. 266–273.

Venditti M. K sravneniju nauchnyh metodologij B. I. Jarho i G. G. Shpeta // *Philologica*. 2012. T. 9, № 21/23. S. 357–367. URL: <http://www.rvb.ru/philologica/09pdf/09venditti.pdf>

Vinokur G. O. [Recenzija] // *Pechat' i revoljucija*. 1924. Kn. 4. S. 269–271. Rec. na kn.: Tynjanov Ju. Problema stihotvornogo jazyka. L.: Academia, 1924. 140 s.

Vinokur G. O. Kul'tura jazyka: ocherki lingvisticheskoj tehnologii. M.: Rabotnik prosveshchenija, 1925.

Vinokur G. O. Biografija i kul'tura. M.: Gos. akad. hudozh. nauk, 1927. (Tr. Gos. akad. hudozh. nauk. Filos. otd-nie; vyp. 2).

Vinokur G. O. Kul'tura jazyka: ocherki lingvisticheskoj tehnologii. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Federacija, 1929.

Vinokur G. O. Vol'nye jamby Pushkina // *Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovanija*. L.: Izd-vo AN SSSR, 1930. Vyp. 38/39. S. 23–36.

Vinokur G. O. Ponjatje pojeticheskogo jazyka // *Dokl. i soobshch. filol. fak. MGU*. M.: Izd-vo MGU, 1947. Vyp. 3. S. 3–7.

Vinokur G. O. [Recenzija] // Vinokur G. O. Filologicheskie issledovanija: lingvistika i pojetika / Sost. T. G. Vinokur, M. I. Shapir; vstup. st. i komment. M. I. Shapira. M.: Nauka, 1990a. S. 87–88. Rec. na kn.: Shpet G. Jesteticheskie fragmenty. Pb.: Kolos, 1922–1923. Vyp. 1–3.

Vinokur G. O. Russkaja pojetika i ee dostizhenija // Vinokur G. O. Filologicheskie issledovanija: lingvistika i pojetika / Sost. T. G. Vinokur, M. I. Shapir; vstup. st. i komment. M. I. Shapira. M.: Nauka, 1990b. S. 67–86.

Gasparov M. L. Raboty B. I. Jarho po teorii literatury // Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta. 1969. Vyp. 236. S. 504–514. (Tr. po znakovym sistemam, 4).

Gasparov M. L. Metr i smysl: k semantike russkogo trehstopnogo horeja // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i jaz. 1976. T. 35, № 4. S. 357–366.

Gasparov M. L. Metr i smysl: ob odnom iz mehanizmov kul'turnoj pamjati. M.: Izd-vo RGGU, 1999.

Gindin S. I. Kak Moskovskij lingvisticheskij kruzhok voeval s Brjusovym i Potebnej / Sost., vstup. zametka i komment. S. I. Gindina; podgot. tekstov A. V. Man'kovskogo // Novoe lit. obozrenie. 2007. № 86. S. 70–78.

Glanc T. Formalizm Jakobsona // Jakobson R. Formal'naja shkola i sovremennoe russkoe literaturovedenie / Per. s chesh. E. Bobrakovoj-Timoshkinoj. M.: Jazyki slav. kul'tur, 2011. S. 102–121.

Zhirmunskij V. M. Voprosy teorii literatury: stat'i 1916–1926. L.: Academia, 1928.

Zaloznjak Anna A. Vnutrennjaja forma // Jenciklopedija Krugosvet: universal'naja nauchno-populjarnaja onlajn-jenciklopedija. [M.: OOO «Krugosvet», 2000]. S. 1–3. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/VNUTRENNYAYA_FORMA_SLOVA.html

Zaloznjak Anna A. Mnogoznachnost' v jazyke i sposoby ee predstavlenija. M.: Jazyki slav. kul'tur, 2006.

Kenigsberg M. M. Iz stihologicheskikh jetjudov: 1. Analiz ponjatija «stih» / Podgot. teksta i publ. S. Ju. Mazura, M. I. Shapira; vstup. zametka i primech. M. I. Shapira // Philologica. 1994. T. 1, № 1/2. S. 149–185.

Lotman M. Ju. Russkij stih: semantika stihotvornogo metra v russkoj poezii vtoroj poloviny XIX veka (A. A. Fet i N. A. Nekrasov) // Slowiańska metryka porównawcza. Wrocław: Ossolineum, 1988. T. 3: Semantyka form wierszowych: praca zbiorowa / Pod red. L. Pszczołowskiej. S. 105–144.

Ljapin S. E., Pil'shchikov I. A. O trudah Miroslava Chervenki po teorii i istorii stiha (k vyhodu pervogo russkogo izdanija ego rabot) // Izv. RAN. Ser. lit. i jaz. 2013. T. 72, № 3. S. 53–65.

Medvedev P. N. Formal'nyj metod v literaturovedenii: kriticheskoe vvedenie v sociologicheskiju pojetiku. L.: Priboj, 1928.

Plotnikov I. P. «Obshchestvo izuchenija poehticheskogo jazyka» i Potebnja // Pedagogicheskaja mysl'. 1923. № 1. S. 31–40.

Potebnja A. A. Mysl' i jazyk // Zhurn. min-va narod. prosveshchenija. 1862. Ch. CXIII, № 1, otd. II. S. 1–54; № 2, otd. II. S. 55–94; № 3, otd. II. S. 95–118; Ch. CXIV, № 4, otd. II. S. 1–33; № 5, otd. II. S. 89–131.

Potebnja A. A. Iz lekcij po teorii slovesnosti. Basnja. Poslovica. Pogovorka. Har'kov: Tip. K. Schasni, 1894.

Rudnev P. A. Metr i smysl // Metryka slowiańska: praca zbiorowa / Pod red. Z. Kopczyńskiej, L. Pszczołowskiej. Wrocław: Ossolineum, 1971. S. 77–88.

Tomashevskij B. V. Teorija literatury (pojetika). M.; L.: Gos. izd-vo, 1925.

Tynjanov Ju. N. Problema stihotvornogo jazyka. L.: Academia, 1924. (Voprosy pojetiki: Neperiod. ser., izd. Otd. sloves. iskusstv / Gos. in-t istorii iskusstv; vyp. 5).

Tynjanov Ju. N. [Recenzija] // Tynjanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino / Izd. podgot. E. A. Toddes, A. P. Chudakov, M. O. Chudakova. M.: Nauka, 1977. S. 167. Rec. na kn.: Rajnov T. Aleksandr Afanas'evich Potebnja. Pg.: Kolos, 1924. 110 s.

Tynjanov Ju. N., Jakobson R. Problemy izuchenija literatury i jazyka // Novyj Lef. 1928. № 12. S. 35–37.

Chervenka M. Smysl i stih: Tr. po pojetike / Sost. i obshch. red. T. Glanca, K. Postoutenko; per. s chesh. A. Bobrakova-Timoshkina. M.: Jazyki slav. kul'tur, 2011.

Shapir M. I. «Grammatika poezii» i ee sozdateli (teorija «pojeticheskogo jazyka» u G. O. Vinokura i R. O. Jakobsona) // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i jaz. 1987. T. 46, № 3. S. 221–236.

Shapir M. I. Kommentarii // Vinokur G. O. Filologicheskie issledovanija: lingvistika i pojetika / Sost. T. G. Vinokur, M. I. Shapir; vstup. st. i komment. M. I. Shapira. M.: Nauka, 1990. S. 256–365.

Shapir M. I. «Semanticheskij oreol metra»: termin i ponjatje (istoriko-stihovedcheskaja retrospekcija) // Lit. obozrenie. 1991. № 12. S. 36–40.

Shapir M. I. M. M. Kenigsberg i ego fenomenologija stiha // Russian Linguistics. 1994. Vol. 18, № 1. R. 73–113.

Shapir M. I. «Teper' dlja menja nevozmozhen dazhe kompromiss»: iz istorii otnoshenij G. O. Vinokura s «Lefom» / Vstup. st., publ. i primech. M. I. Shapira // Izv. RAN. Ser. lit. i jaz. 2000. T. 59, № 1. S. 60–66.

Shklovskij V. B. Potebnja // Pojetika. Pg.: 18-ja Gos. tip., 1919. S. 3–6. (Sb. po teorii pojetich. jazyka; 3)

Shklovskij V. B. Rozanov. [Pg.]: Opojaz, 1921. (Sb. po teorii pojetich. jazyka; 4).

Shpet G. G. Vnutrennjaja forma slova (jetjudy i variacii na temy Gumbol'dta). M.: Gos. akad. hudozh. nauk, 1927. (Istorija i teorija iskusstv; vyp. 8).

Shpet G. G. Jazyk i smysl // Shpet G. Mysl' i Slovo: Izbr. tr. / Sost. toma i otv. red. T. G. Shchedrina. M.: ROSSPJeN, 2005. S. 470–657.

Ejhenbaum B. M. Vokrug voprosa o «formalistah» // Pechat' i revoljucija. 1924. Kn. 5. S. 1–12.

Ejhenbaum B. M. Teorija «formal'nogo metoda» // Ejhenbaum B. Literatura: teorija; kritika; polemika. L.: Priboj, 1927. S. 116–148.

Engel'gardt B. M. Formal'nyj metod v istorii literatury. L.: Academia, 1927. (Voprosy pojetiki: Neperiod. ser., izd. Otd. sloves. iskusstv / Gos. in-t istorii iskusstv; vyp. 11)

Engel'gardt B. M. Lingvisticheskaja teorija Potebni v ee otnoshenii k istorii literatury // Engel'gardt B. M. Fenomenologija i teorija slovesnosti / Sost., predisl., poslesl., nauch. komment. A. B. Muratova. M.: Novoe lit. obozrenie, 2005. S. 59–98.

Jakobson R. O. Novejšhaja ruskaja poezija: nabrosok pervyj. Praga: Politika, 1921.

Jakobson R. O. Brjusovskaja stihologija i nauka o stihe // Nauchnye izvestija / Akad. centr Narkomprosa. M., 1922. Sb. 2: Filosofija; literatura; iskusstvo. S. 222–240.

Jakobson R. O. Formal'naja shkola i sovremennoe russkoe literaturovedenie / Per. s chesh. E. Bobrakovoj-Timoshkinoj. M.: Jazyki slav. kul'tur, 2011.

Jarho B. I. Prostejšie osnovanija formal'nogo analiza // Ars Poetica: Sb. podsekcii teor. pojetiki / Pod red. M. A. Petrovskogo. M., 1927. S. 7–28. (Tr. Gos. akad. hudozh. nauk. Lit. sekcija; vyp. 1).

Jarho B. I. Metodologija tochnogo literaturovedenija: Izbr. tr. po teorii lit. / Izd. podgot. M. V. Akimova, I. A. Pil'shchikov, M. I. Shapir; pod red. M. I. Shapira. M.: Jazyki slav. kul'tur, 2006. (Philologica russica et speculativa; t. 5).

Anisimova-Frappé N. Gustave Chpet et le problème de la forme interne du mot: ouverture à la linguistique // Slavica occitania. 2008. T. 26: Gustave Chpet et son héritage. Aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique / Ed. M. Dennes. P. 89–95.

Aumüller M. Innere Form und Poetizität: die Theorie Aleksandr Potebnjas in ihrem begriffsgeschichtlichen Kontext. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005. (Slavische Literaturen. Texte und Abhandlungen; Bd. 35).

Bird R. The Hermeneutic Triangle: Gustav Špet's Aesthetics in Context // Gustav Špet's Contribution to Philosophy and Cultural Theory / Ed. by G. Tihanov. [West Lafayette, IN]: Purdue University Press, 2010. P. 28–44.

Červenka M. Die Semantik des Metrums im Werk von Josef V. Sládek / Übersetzt von C. Hansen-Löve // Wiener slawistischer Almanach. 1981. Bd. 8. S. 159–185.

Dennes M. De la «structure du mot» à la «forme interne» chez Gustav Špet // Revue germanique internationale. 2006. № 3: L'Allemagne des linguistes russes / Sous la dir. de C. Trautmann-Waller. P. 77–92.

Dennes M. Gustav Špet: l'héritage et la critique de Humboldt comme accomplissement d'une innovation scientifique // Cahiers de l'ILSL. 2012. № 33: Humboldt en Russie / Ed. par P. Seriot. P. 17–32.

Fontaine J. La «innere Form»: de Potebnja aux formalistes // Revue germanique internationale. 2006. № 3: L'Allemagne des linguistes russes / Sous la dir. de C. Trautmann-Waller. P. 51–62.

Gasparov B. From Romantic philosophy of language to modern linguistics: the case of Potebnja // Cahiers de l'ILSL. 2012. № 33: Humboldt en Russie / Ed. par P. Seriot. P. 75–86.

Jakobson R. On linguistic aspects of translation // On translation / Ed. by R. A. Brower. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1959. P. 232–239.

Jakobson R. Closing statement: Linguistics and poetics // Style in Language / Ed. by T. A. Sebeok. Cambridge, Mass.: The M.I.T. Press, 1960. P. 350–377.

Jakobson R. Formalistická škola a dnešní literární věda ruská / Ed. T. Glanc. Praha: Academia, 2005.

Kokochkina (Simonato) E. De Humboldt à Potebnja: évolution de la notion d'«innere Sprachform» // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2000. № 53. P. 101–122.

Lachmann R. Potebnja's Concept of Image // The Structure of the Literary Process: Studies Dedicated to the Memory of Felix Vodička / Ed. by P. Steiner,

M. Červenka and R. Vroon. Amsterdam & Philadelphia, PA: John Benjamins, 1982. P. 297–319. (Linguistic and Literary Studies in Eastern Europe; 8).

Ljapin S., Pilščikov I. Nad prvním ruským výborem prací Miroslava Červenky / Přel. A. Machoninová // Česká literatura. 2012. Roč. 60, čís. 3. S. 428–444.

Passarella S. La forma interna della parola in Russia: le variazioni linguistiche ed estetiche di Aleksandr Afanas'evič Potebnja sui temi di Humboldt e Steintal // Russica romana. 2007. Anno XIV. P. 39–51.

Pilščikov I. A. Il retaggio scientifico del formalismo russo e le scienze umane moderne / Trad. ed introduzione di C. Cadamagnani // Enthymema. 2011. № 5. P. 70–102. URL: <http://riviste.unimi.it/index.php/enthymema/article/view/1751>

Seifrid T. The Word Made Self: Russian Writings on Language, 1860–1930. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005.

Tihanov G. Innovation and Regression: Gustav Shpet's Theoretical Concerns in the 1920s // Critical Theory in Russia and the West / Ed. by A. Renfrew and G. Tihanov. Abingdon; New York: Routledge, 2010. P. 44–62.

Venditti M. La forme interne du mot chez G. Chpet et A. Marty // Slavica occitania. 2008. 26: Gustave Chpet et son héritage. Aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique / Ed. M. Dennes. P. 181–190.

Zavialoff N. Actualité de la notion de forme interne chez Gustave Chpet // G. G. Chpet. La forme interne du mot: études et variations sur des thèmes de Humboldt / Trad. du russe par N. Zavialoff; pref. de M. Dennes; avant-propos et post-face de N. Zavialoff. P.: Kimé, 2007. P. 15–51.

Zenkine S. Forme interne, forme externe: les transformations d'une catégorie dans la théorie russe du XXe siècle // Revue germanique internationale. 2006. № 3: L'Allemagne des linguistes russes / Sous la dir. de C. Trautmann-Waller. P. 51–62.